МОЛОДЕЖЬ ГРУЗИИ
г. ТБИЛИСИ
29 ЯНВ 1981

Актеры и роли

«...ТОГДА Я БУДУ СПОКОЕН»

ИНТЕРВЬЮ С ДЕЛЕГАТОМ XXVI СЪЕЗДА КОМПАРТИИ ГРУЗИИ, НАРОДНЫМ АРТИСТОМ РЕСПУБЛИКИ Э. А. МАНДЖГАЛАДЗЕ

Мягкий свет в гримерной освещает очень доброе лицо. Не без удовольствия вслушиваешься в хорошо знакомый с детства голос. Его не перепутаешь ни с кем, если даже услышишь однажды — и после этого даже спустя много лет он до тебя донесется вновь. То голос человека очень своеобразного, индивидуальность которого рождает самые высокие мысли о возможностях подлинного искусства. То голос Эроси Манджгаладзе...

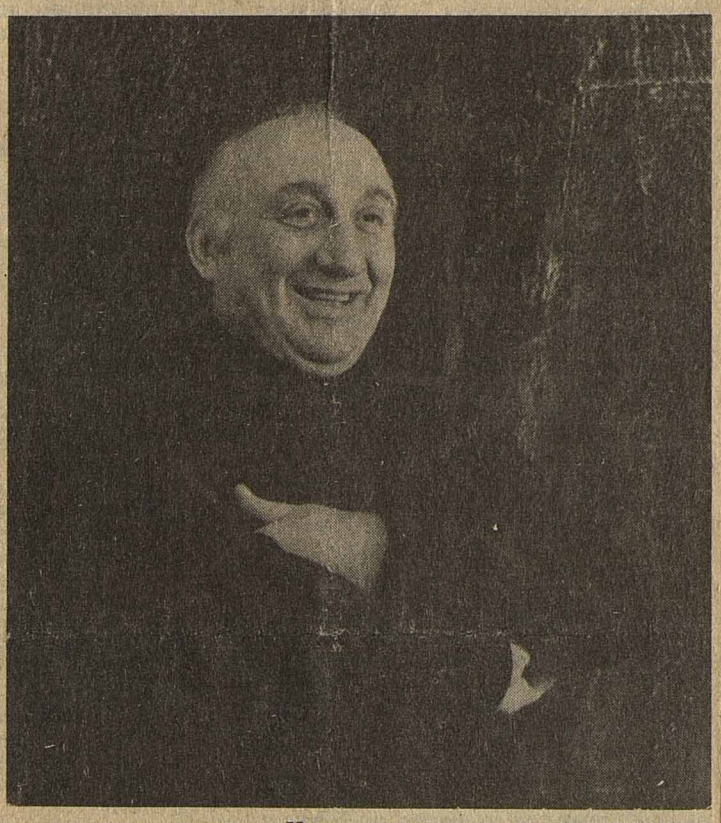
Народный артист Грузинской ССР. Актер, любимый народом, любимый за сценическое обаяние, яркость дарования, за щедрость, с которой он делится золотыми россыпями радости из залежей своей чудо-профессии.

Это интервью взято в канун XXVI съезда коммунистов республики, делегатом которого являлся наш собеседник. Итак, вопрос о творческой работе последних лет...

— Чем она примечательна, Эроси Акакиевич?

— С некоторых пор работу в театре имени Руставели я совмещаю с актерской и административной деятельностью в театре при киностудии «Грузия-фильм». Нередко приходится, кроме того, быть занятым в телевизионных и радиопостановках. С одной стороны, это как погоня за двумя — и больше того — зайцами. А с другой, все думаю: все равно где, лишь бы что-то дельное создать...

Сыграл я за годы работы в театре множество ролей, в пьесах классических и современных. Однако давно, признаюсь, мечтал о том, чтобы создать образ человека нашего времени, бескомпромиссного, честного, не признающего сделок с совестью. Эта мечта за последние годы осуществилась дважды: в пьесах «Начало» и «Мы, нижеподписавшиеся...» одного автора — А. Гельмана. Оба спектакля на производственную тему, они ставят очень актуальные вопросы. Начальник треста Батарцев и ответственный работник Девятов — люди, которые любят прежде всего истину и этим сильны. Работать над этими ролями было и трудно, и приятно. Говорят, они получились. Помню, как после спектакля «Мы, нижеподписавшиеся...» во время последних гастролей в Москве за кулисы зашел главный режиссер МХАТа Олег Николаевич Ефремов и коротко сказал: «Спасибо!». Я, в свою очередь, хочу еще раз поблагодарить Театральное общество республики, присудившее мне премию за лучшее исполнение мужской роли в 1979 году.



Чем мне дорога роль Юрия Девятова? Она обличает бесчестие и разоблачает мещанскую позицию. Когда-то — кстати, и у нас в республике — говорить открыто о недостатках считалось непозволительным. Это проповедь ханжеской морали. Если хотим стать лучше, мы обязаны знать о своих недостатках. Как общих, так и частных. И искусство, тем более театр, должно этим заниматься в полную меру. Отнюдь не случайно в одном из своих выступлений Леонид Ильич Брежнев, говоря о важности разработки в литературе и искусстве современных тем, отметил, что такие драматурги, как А. Гельман, сегодня нужны особенно. Ибо они поднимают вопросы наболевшие, выдвигают на передний план остросоциальные проблемы. И делают это, повторяю, со всей смелостью и решительностью.

Дорог мне и образ Гвади Бигва, человека, прозревшего в эпоху социального переустройства грузинской деревни.

Нельзя, видимо, не сказать об участии в телепостановках. Это «Шапка-невидимка» по Георгию Эристави, постановка по рассказу Резо Чеишвили «Приключения Шалико Хвингиадзе» и еще одна работа — в телефильме «Третий брат Кежерадзе», снятом по одноименному рассказу Гурама Дочанашвили. В каждой из этих постановок проповедуются здоровая человеческая мораль, высокие нравственные принципы. Мне немалое удовольствие доставила, к примеру, работа в «Третьем брате Кежерадзе», где разговор, в частности, идет и о том, каким должен быть настоящий патриот.

Телевидение мне нравится тем, что оно приближает актера к зрителю, показывает его выпукло. Играть надо очень точно... Наконец, была и работа в кинофильме Лейлы Абашидзе «Тифлис — Париж и обратно» — роль князя Шервашидзе, кутилы, мечтающего о славе и наживе. Это кинокомедия в чистом виде, ситуационная...

— Что вам дала актерская профессия как личности?

— Очень многое. Коротко на этот вопрос и не ответишь. Во-первых, выработала волю. Творческая жизнь — это ведь не только удачи, но и неудачи. И тогда надо уметь выдержать ее. Когда же роль получается, то ты счастлив, и это огромный творческий стимул.

Актерская профессия — это синтез труда умственного и физического. До того, как выйти на сцену, надо прочесть гору книг. Скажем, играя Отелло, следует знать и другие трагедии Шекспира, особенности той эпохи, не мешает прочесть и исторические романы. Стало быть, обогащаешься и знаниями, самыми разнообразными.

И третье — это работоспособность. Сама профессия, ее специфика научат трудолюбию, если желание быть актером у вас настоящее. Иной раз со стороны кажется: ой, как просто и легко, как изящно он (она) играет! А за этой простотой — десятки репетиций, и каких изнурительных!..

— Как вы пришли в театр, что побудило вас стать актером?

— Я стал актером, благодаря той пыли, которую глотнул на сцене школьного театра. И ничего другого себе представить уже не мог. А учился я в 34-й средней школе, над которой в ту пору шефствовал театр имени Руставели. Спектакли, понятно, ставились и у нас, и в одном из них я сыграл главную роль. Это и решило.

Потом был театральный институт, превосходные педагоги в лице Дмитрия Алексидзе и Георгия Товстоногова, учеба трудному делу.

— Вы много сыграли ролей в театре. Какие образы вам особенно дороги с точки зрения уровня сценического воплощения?

— Это Иван Грозный из «Великого государя», Зимзимов в «Пепо», царь Эдип в одноименном спектакле, поставленном Михаилом Туманишвили, Тариэл Голуа, прокурор Размадзе в спектакле «Мост» по пьесе А. Чхаидзе... О ролях последних лет я уже говорил...

— В чем вам видится высшее назначение театра?

— Непременно в том, чтобы взволновать зрителя, убедить его в чем-то возвышенном, влиять на человека свойственной именно театру специфической силой. Станиславский говорил, что театр должен быть настолько впечатляющим зрелищем, чтобы после спектакля зритель, вернувшись домой, разбудил соседа и сказал ему: «Обязательно сходи в театр, посмотри такую-то пьесу...».

— Эроси Акакиевич, актеры нередко на сцене импровизируют...

— Существуют два вида импровизации — текстуальная и внутренняя, игровая. Если автор пьесы, скажем, не Шекспир, можно допустить варьирование. Этот момент, как и при игровой импровизации, фиксируется интуицией, сознанием. Ну, скажем, сценой не предусмотрено, чтобы персонаж разбил стакан. А во время спектакля, хотя это никем и ничем не предусмотрено — ни режиссером, ни сценарием, — вдруг некий импульс, идея, закономерно возникающие вследствие игрового процесса, наводят на мысль, что стакан не только можно, но и нужно разбить. Бывало, такие сиюминутные находки вызывали больше аплодисментов, нежели тщательно спланированные действия. Главное, соблюдать чувство меры. Тогда успех гарантирован. В «Хануме» я и Рамаз Чхиквадзе, можно сказать, балансируем на грани возможного и невозможного. А получается так потому, что позволяют это сделать комические образы персонажей, нуждающиеся в гротеске. Князь и поначалу был задуман легкомысленным, но я решил, что лучше, если он, владея французским, будет плохо говорить на грузинском. Предложил вариант режиссеру, он одобрил, и возникли широкие возможности для импровизации. Что ни вечер — новые импровизации. Я знаю зрителей, которые специально приходили на каждый спектакль, чтобы услышать что-то новое.

— Ваше самое большое впечатление в театре?

— Трагедия, отлично поставленная и отлично сыгранная. Ибо это высшая форма театрального искусства, с наибольшим воспитательным эффектом нравственного значения. Она требует огромного таланта, владения всеми компонентами игры в совершенстве, богатых актерских данных.

А если говорить о впечатлениях вообще, то это прежде всего гениальный Чаплин, ни с кем не сравнимый, удивительный, потрясающий. И еще вспоминаю свою поездку в Москву в 1946 году вместе с командой тбилисского «Динамо», чтобы вести оттуда первый футбольный радиорепортаж. Я был студентом театрального института и одновременно работал диктором на радио. Оказавшись в Москве, я отправился в МХАТ и был буквально ошеломлен игрой Качалова, Тарханова, Степановой, Тарасовой. Такое созвездие в одном театре! Я счастлив, что увидел их всех вместе. В грузинском актерском искусстве вершинами считаю игру Акакия Хорава в роли Отелло и образ, созданный Серго Закариадзе в фильме «Отец солдата».

— Вы три десятка лет комментировали футбольные матчи. Не трудно было расстаться с этим интересным делом?

— Слово есть слово: я обещал себе уйти из спорта вовремя. И потом у нас немало хороших комментаторов во главе с мастером темпераментного репортажа Котэ Махарадзе. Мы вместе вели радиорепортаж из Ташкента в 1964 году, и это мое самое глубокое ощущение радости, полученной от футбола.

— Работой над каким образом вы заняты сегодня?

— Идут съемки пятисерийного телевизионного фильма «Цветение лозы» по роману К. Гамсахурдиа. В фильме я исполняю роль профессора Коринтели, очень сложный и, думаю, интересный образ.

— Эроси Акакиевич, в театре и кино вами сыграно множество ролей, причем как трагедийных, так и комедийных. Диапазон ваших возможностей известен. Вероятно, вы храните мечту о новой роли. Можно ли поделиться?

— Мечта, конечно, есть, и, как говорится, сокровенная. Очень хочется сыграть роль именно трагикомического характера, чтобы в одной пьесе реализовать свою устремленность к творческому разнообразию. Не знаю, возможно, для этого надо будет объединять две пьесы. Как бы там ни было, если не смогу осуществить свою мечту, то цели своей не достигну. А если да, то это будет замечательно: как никак, кульминация в творческой биографии. Следует этого добиться. Тогда я буду спокоен.

Н. БАЛАНЧИВАДЗЕ.

На снимке: Э. А. Манджгаладзе.